

Профессионализм, доверие и проблемы России.

Опубликовано – Свободная мысль, №11, 2009

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам профессий и профессионализма в России и в странах Запада. Их суть состоит в ослаблении, а подчас деградации многих институтов поддержания и развития профессионализма, находящихся в поле влияния самих профессионалов, профессиональных ассоциаций, университетов, государства и бизнеса. Но если на Западе исследователи профессий и эксперты-практики бьют тревогу, отчетливо формулируя проблему как депрофессионализация и кризис профессий, в России об этом заявить как будто некому. Дискурс профессионализма не имеет широкого применения, как непопулярна в целом англо-саксонская традиция исследования профессий и профессионализма. Широкий обзор взаимосвязей между экономикой, общественной жизнью и профессиями призван способствовать наведению мостов между традицией междисциплинарных исследований профессий на Западе и в России, а также использованию концептуального аппарата социологии профессий к изучению актуальных проблем современной России.

* * *

Современные исследователи профессий на Западе проявляют настойчивую озабоченность по поводу проникновения рынка в сферу деятельности институтов поддержания профессий и профессионализма, включая государство, университеты и профессиональные ассоциации. По их мнению, подмена профессионального контроля рыночными стимулами и максимизацией прибыли является фундаментальным «вызовом» современного мира. При этом если одни исследователи пытаются обновить основы теории через исследование «профессионализации» новых видов занятий и изучение «дискурса профессионализма» в бизнес среде (Evetts, 2006 Fournier, 1999), то другие ставят вопрос о кризисе и вырождении института профессий в том виде, как они сформировались в западном обществе в 19-20 вв. (Pfadenhauer, 2006; Noordegraaf, 2007). Каково место России в этих дискуссиях? Не означает ли это, что Россия, во многом проигнорировавшая западную традицию изучения профессий, основанную на взглядах Парсонса и других исследователей англо-американской школы,¹ может спокойно двигаться дальше, не заботясь об обновлении научного аппарата, которым озабочены социологи на Западе?

В действительности в теме профессий и профессионализма соединяются многие острые проблемы и «провалы» российской экономики и общественной жизни - низкое качество многих товаров и услуг, утрата профессиональной этики и ответственности специалистов в области образования, здравоохранения или судопроизводства, обесценение дипломов учебных заведений, слабость гражданской самоорганизации и контроля и даже коррупция в силовых ведомствах. Слабым утешением является то, что многие перечисленные болезни в более мягкой форме присутствуют и на Западе. Но в условиях сильных институтов (в западных странах, это прежде всего профессиональные ассоциации и университеты) есть кому бить тревогу и предупреждать общество, есть механизмы оздоровления и профессионального контроля. В России подобные институты были либо разрушены одномоментным и ничем не сдерживаемым проникновением

¹ Подробное исследование причин такого игнорирования не является предметом данной статьи и требует отдельного рассмотрения. Здесь важно отметить, что это был сознательный выбор отечественных социологов, что было отчетливо сформулировано в работе «Социально-психологический портрет инженера», вышедшей под редакцией В. Ядова в 1977 г. (С.С. 14-16).

рынка в 1990-е гг., либо никогда не существовали. Инерционный профессиональный контроль после этого какое-то время сохранялся благодаря существованию и активности самих носителей профессий. Но в отсутствие поддерживающих институтов он ветшал и разлагался тем более, что многие профессиональные знания и умения были в результате открытия экономики переоценены и во многом обесценены. В результате внедрение рынка в сферы, ранее подчиненные «третьей логике» (по-Фридсону – противостоящей рынку и бюрократии)² постепенно ликвидировали основу для поддержания высокого качества знаний и умений работников разнообразных сфер деятельности и отраслей экономики. В этих условиях рассуждения об «экономике знаний» и «управлении знаниями» выглядят, мягко говоря, поспешно и декларативно. Чтобы понять специфику и исследовательскую перспективу взгляда на общественную жизнь с позиций профессий и профессионализма, обратимся к западным дискуссиям на эту тему.

Исходным пунктом вводной статьи в подборку журнала *Current Sociology*, посвященную современным проблемам профессий, написанной известным британским исследователем профессий Д. Эветтс,³ служит противоречие, которое она называет то парадоксом, то дилеммой профессионализма. Парадокс состоит в том, что в современных бизнес организациях отмечается активное обращение к теме профессионализма – последний становится популярным слоганом для привлечения клиентов и работников извне, а также средством повышения ответственности работников внутри организации. И одновременно с этим – происходит видимое ослабление конституирующих признаков профессий, с которыми связывалось становление и особая роль профессий в западном обществе – сокращение профессиональной автономии, отступление профессиональной этики перед экономическими стимулами, снижение доверия клиентов, а значит – общественного признания за профессионалами особого права на экспертизу и профессиональный авторитет.

Может возникнуть возражение: с одной стороны, в России профессии (или занятия, которые их напоминают) качественно расщеплены по «отраслевым квартирам» и собственным институциональным проблемам, не будучи поддерживаемыми ни традиционным общественным статусом, ни саморегулируемыми профессиональными ассоциациями, а с другой – в самом языке лишены специфического значения, выделяющего их на Западе. Может ли в этой ситуации быть плодотворным в России взгляд сквозь призму профессий, тем более в ситуации, когда и на Западе профессии переживают кризис?

Коротких ответов – два. Во-первых, у нас существует не только профессиональный каркас общества и экономики в виде высокого качества умений и знаний о том, как делается дело в самых разных сферах хозяйственной жизни, но и озабоченность снижением его прочности. Поэтому вопрос поддержания и развития профессионализма совершенно не праздный, а опыт исследований в этой области существует на западе. Во-вторых, если имея общий технологический каркас профессий, основанный на разделении труда, Россия и западный мир вошли в сегодняшний день с разным опытом, необходимо понять, почему. Это способно предложить более достоверные варианты будущего развития.

Действительно система взглядов на профессии в России отличается от Запада, как отличаются традиции, экономический опыт и институты общественного регулирования. Когда на Западе вслед за частной практикой докторов и адвокатов профессионализировались сложные виды интеллектуального труда (прежде всего в сфере предоставления общественных услуг – образовании, науке, культуре, здравоохранении, социальной работе), призванные противостоять «логике» рынка и бюрократии, в России произошло, так называемое, обобществление средств

² «Third logic» - профессиональная логика в отличие от логики рынка и логики бюрократии обусловлена интересами дела, которому привержен профессионал, по Фридсону. (Freidson, 2001)

³ *Current Sociology* 2006. No 54

производства, создана плановая экономика и универсальной моделью профессии был объявлен квалифицированный рабочий как носитель гармоничного сочетания умственного и физического труда. (Л.Бляхман, О.Шкаратан, 1973, СС. 200-203.) Советское «стирание грани между умственным и физическим трудом», преодоление противоречий разделения труда и постулирование социального равенства не способствовали сравнительному анализу качественных различий в содержании и особенностях кооперации труда, в общественной роли отдельных занятий и их специфике, в формах поддержания и развития профессионализма. В меньшей степени этот недостаток затронул социологию труда, по крайней мере, с 1960-1970-х годов. Но и здесь идеология классовой борьбы не способствовала обнаружению особенностей и, тем более особой общественной миссии профессий, которая была важна для гражданского сознания и общественной интеграции в странах Запада. (Подмарков, Сиземская, 1969; Бляхман, Шкаратан, 1973, Социально-психологический портрет..., 1977).⁴

Если же рассматривать проблему укорененности профессий в общественной жизни российского человека, то можно обнаружить существование некоего поля явлений, обозначаемых словами «профессия», «профессиональная структура» и «профессионализм» в родственном западному пониманию смысле. В советском сознании этот сдвиг произошел примерно в 1960-е – 1970-е годы и совпал с мировыми сдвигами в профессиональной структуре – когда все большее число занятых оказалось сосредоточено в сферах интеллектуального труда, включая исследовательские и инженерные лаборатории в отраслях материального производства. В советской социологической науке на это же время приходится развитие индустриальной социологии и появление штатных социологов на промышленных предприятиях. (Социология в России, 1998). Совершенно очевидно, что процессы, связанные с совершенствованием профессий и вызванные научно-техническим прогрессом, в России шли в том же направлении, что и на Западе. При этом у нас сдерживание дискурса профессионализма компенсировалось развитием дискурса интеллигенции, получившего новый импульс благодаря «шестидесятникам» и отразившегося в поздней советской литературе, спорах «физиков и лириков» и советском «застойном» кино с его героическими чертами энтузиастов-ученых, таких как Гусев из «9 дней одного года», Данкевич и Крылов в «Иду на грозу», Бармин в «У Озера» в 1960-х, а затем более лирическими и ностальгическими героями профессиональной повседневности - хирурге Мишкине из одноименного фильма и Илье Семеновиче из «Доживем до понедельника» и многим другим в 1970-е гг. В отличие от профессий и профессионализма дискурс интеллигенции носит менее определенный характер и не имеет ясного хозяйственного воплощения. Он принципиально отделен от качественно определенной трудовой деятельности и кооперации, что делает его менее продуктивным в сегодняшнее время. Кстати сила приведенных примеров советских фильмов как раз в том, что в них это конкретное профессиональное воплощение есть, они рассказывают о человеке дела в его конкретной профессиональной реальности и одновременно высоком общественном значении.

Проникновение в смысл и феномен профессий можно иллюстрировать и на совершенно неожиданных и даже курьезных примерах. В известном фильме Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» в речи режиссера Якина используется комический прием. Упоминая о своей режиссерской профессии, Якин приводит французское выражение, «profession de foi», которое по мысли авторов, должно его выдать как пустозвона и позера, поскольку предполагается, что он говорит бессмыслицу, «profession de foi» - исповедание веры, кредо, изложение своих взглядов, а не профессия. В действительности Якин, сам не догадываясь, возможно, более прав, чем авторы фильма. Режиссерская профессия в современном мире, безусловно, относится к «профессиям» в их

⁴ Подробнее особенности советской квазипрофессиональной модели рассмотрены автором в отдельной работе: А.Московская. Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте.

специфическом смысле, причем, даже в большей степени, чем актерская (хотя как раз актеров на жаргоне называют «the professions»). «Профессиональность» режиссерской деятельности состоит, в частности в том, что научение техникам в ней глубоко вторично по сравнению с овладением искусством, существует высокий барьер на вход в виде особых склонностей (это роднит с актерами), но вдобавок требуется наличие житейского опыта, длительности работы в отрасли, без чего, предполагается, не будет достигнуто мастерство.

Выражение «profession de foi» весьма близко к смыслу «профессии» в ее исходном смысле, «profession» - миссия, данная свыше, принадлежность к своего рода ордену, призвание. Стоит вспомнить, что Иван Васильевич (и Бунша, и Грозный) меняет по сюжету фильма вовсе не занятие, а общественную роль. Замена царя на домоуправа и наоборот – в комической и символической форме показывает различие глубинного смысла «управленческой» деятельности при погружении в разный социальный контекст – различие между управлением как объединяющей подданных социальной миссией (поддержание социальной справедливости, забота о границах -«царь») и управлением как регулярной деятельностью по соблюдению норм общежития («домоуправ», сравн.с «нормализацией» Фуко). Конечно, ни домоуправ, ни царь не являются в чистом виде «профессиями». Но тем тоньше и живописнее они показывают различие между настоящим и мнимым носителем современной профессии, которыми в фильме в действительности являются герой Демьяненко, перенесший научные опыты с машиной времени с работы домой на время отпуска, и уже упоминавшийся режиссер Якин, запутавшийся не только в женщинах, но и в известных советских актерах. Этот профессиональный план, который важен для нашей темы, в фильме существует как фон. Но всякое настоящее искусство он отразил естественные общественные процессы.

Здесь необходимо кратко остановиться на смысле «профессий» в специфическом смысле слова profession и на том, какой пласт проблем подразумевают его исследования на Западе. Профессионализм в англо-американской традиции, на базе которой сформировалась современная западная социология профессии, а затем и более широкие междисциплинарные исследования профессий, имеет обширную смысловую нагрузку, которую американский исследователь профессий Давид Сциулли назвал «структурной и институциональной инвариантностью профессий и профессионализма». К ним относятся: опора на длительное специализированное обучение; освоение в его ходе не только «техник», но «искусства» овладения профессией; необходимость автономии и свободы действий для осуществления профессиональной практики, требуемые для реализации этого «искусства»; самоорганизация и контроль со стороны профессиональных ассоциаций; кодифицируемые стандарты этического поведения, обеспечивающие как самоконтроль, так и неформальный социальный контроль со стороны профессиональной группы; доверие клиентов и т.п.⁵

Смысл этих атрибутов – не в том, чтобы выделить из общей массы занятий первые среди равных. Отдельные перечисленные свойства профессий можно обнаружить в самых разных занятиях, причем не только умственного или экспертного труда, и это – не слабость, а сила определения профессий. Дело в том, что в последних в концентрированном виде содержится некое «всеобщее начало» - фиксирующее важный общественный и даже гуманистический смысл «делания своего дела», помимо рыночного смысла (конкурентоспособный продукт, бизнес). Этот всеобщий смысл состоит, во-первых, в заинтересованности «делающего дело» в содержании своего труда, в его общественной (независимо от рыночной оценки) значимости, подтверждаемой профессиональной кооперацией и признанием потребителя. Говоря о профессиональном

⁵ См.: D.Sciulli. Structural and Institutional Invariance in Professions and Professionalism. Report to ISA Interim Conference “Challenges to professionalism: Limits and benefits of the professional model?”. Oslo University College, Norway, September 12 - 13, 2008. Д.Сциулли указал на 10 характеристик, тогда как здесь перечисляется лишь некоторые основные из них.

«делании дела» я намеренно не использую слова «работник» и «труд», чтобы акцентировать «неотчужденность» работника от процесса труда и от его непосредственного результата. Собственно, для преодоления этого отчуждения в бизнес организациях и стал использоваться «дискурс профессионализма», о котором пишет Д.Эветтс. Другим важным фактором «всеобщности», заключенной в профессиях, служит возвышение знания в качестве особой ценности труда, его результатов и его носителя. Наконец, бесспорным достижением феномена профессий является то, что в них профессиональная кооперация и общественное взаимодействие проявились с такой силой, что в разгар развития капиталистической рыночной экономики 19-20 вв. в форме профессий и институтов поддержания профессионализма сформировалась структура, противостоящая рынку и отстаивающая общественные интересы (в том объеме, в котором этого касалась их профессиональная деятельность).

Для того, чтобы выявить специфику западного (прежде всего, англо-саксонского) понимания профессий, которое распространяется сегодня на широкий круг интеллектуальных занятий, необходимо присмотреться к двум «классическим» профессиям, которые Эветтс называет «архетипическими». Это – частная практика юристов и врачей. То, что именно они стали первыми «профессиями», имеет важное формальное и содержательное значение. Содержательное состоит в том, что обе профессии относились к редким на тот момент видам умственного труда, подразумевающим обладание особыми знаниями, носившими для непосвященных характер священнодействия – отсюда родство с деятельностью священника. Естественное следствие этого – опора на доверие и даже веру «клиентов» в способности профессионала-практика наилучшим образом выполнить возложенные на него профессиональные обязанности. Другая сторона содержательной специфики состояла в значении *содержания* услуги юриста и медика для клиента - вопросы здоровья и имущества – ключевые для человека буржуазной цивилизации, к тому же тесно связанные с семейными ценностями и благополучием.

Формальное значение этих профессий в качестве архетипов профессий как таковых связано с организацией труда – медицинские и юридические услуги имели характер частной практики отдельных людей. Сама профессиональная «услуга» оказывалась в условиях нахождения один на один с клиентом. Нередко это сопровождалось прямым поддержанием тайны (как врачебной, так и юридической), что технически способствовало, с одной стороны, установлению доверительных отношений между профессионалом и клиентом, а, с другой – автономии и свободе действий профессионала-практика. Это, в свою очередь, требовало установления особых форм контроля, не похожих на контроль бизнес организаций и рынка. Для того, чтобы получить право на такую практику, он должен был пройти целую серию посвящений, включая длительную социализацию в среде профессионалов и профессиональное обучение мастерству. Он также должен был в течение профессиональной деятельности поддерживать постоянную связь с профессиональной корпорацией и подтверждать соответствие «посвящению». Наконец, процесс профессионального обучения и социализации осуществлялся таким образом, чтобы, как и в случае со священничеством, внешний профессиональный контроль ретранслировался во внутренний профессиональный контроль.

Таким образом, как по форме, так и по своему назначению профессии на заре своего классического становления выполняли важнейшие общественные функции, связывающие благополучие граждан с благополучием государства.⁶ Появление и

⁶ Вопрос о времени становления профессий не во всем очевиден. Д.Сциулли критикует традицию социологии профессий рассматривать профессии как квинтэссенцию модернизации, ограничивая историю их становления 19 в. Его собственное исследование показывает возникновение будущей профессиональной модели на примере Королевской Академии живописи и скульптуры 17 в. во Франции. – (Sciulli, 2007, PP. 121-147). В настоящей статье, говоря о «классическом становлении» профессий, имеется в виду устойчивая традиция их рассмотрения с ориентацией на практику 19-20 вв..

институционализация профессий стали не просто шагом в рационализации общественной жизни - от решения частных проблем посредством религиозного культа к их решению на основе упорядоченной системы освоения и практического применения знаний . В «архетипе» профессий *одновременно* содержатся и элементы традиционной культуры (посвящение, приобщение к сакральному, общественная миссия), и элементы буржуазного партикуляризма (частный характер практики, «нормализация» общественных услуг, их вписанность в рынок, разделение по видам специализации⁷), и элементы становящегося информационного общества (распространение занятий , основанных на знании).

Развитие исследований профессий происходило на Западе, на протяжении всего 20 века, основные вехи в этом противоречивом процессе отмечены Эветтс в цитированной статье. Несмотря на разногласия между исследователями профессий, общим до недавнего времени оставалось представление о том, что профессии и сообщество профессионалов противостоят бизнесу (выступающему одновременно и как «рынок», и как «организации») на стороне гражданского общества и не подвластны ему. Там же, где вторгается «логика рынка», происходит эрозия профессий, с которой борется профессиональное сообщество. Поэтому попытка бизнеса использовать дискурс профессионализма для регулирования качества труда работников и повышения их заинтересованности в результатах, отмечаемая Эветтс – уже есть вызов status quo профессий.

В российских компаниях призыв к профессионализму и дискурс профессионализма не носит ярко выраженного характера и не имеет того значения (особая форма контроля над работниками), о котором на примере западных компаний говорит Эветтс. Но это и обусловлено отсутствием в России укорененного на Западе представления о профессиях как особых привилегированных общественных кластерах, в которых заключено экспертное знание, общественный статус, доверие общественности и все то, что выделяет профессии в системе занятий. В российском контексте рациональный смысл профессий редуцируется до прикладного понимания профессионализма как высокого качества знаний и умений работников, в т.ч. физического труда. Поэтому когда в ходе экономического подъема в 2000е гг. (и по мере выхода на пенсию работников советских поколений) в бизнес среде нарастали опасения кадрового дефицита, «дискурс профессионализма» проявился в рассуждениях о важности профессионального обучения, профессиональных компетенций и профессиональных стандартов. При этом нередко разъяснялось, что компания нуждается в молодых кадрах, нередко рабочих специальностей, в восстановлении преемственности в передаче навыков и умений от старших и более опытных работников к молодым (отсутствует среднее поколение профессионалов), в мотивации менеджеров и офисных работников, в контроле над профильными учебными заведениями, поскольку умения и знания выпускников не соответствуют требуемым компетенциям и пр.

Выше уже говорилось, что поворотный сдвиг интереса общества и общественных наук к сложным видам интеллектуального труда в мире и в России приходится на 1960-1970-е годы. Сегодняшняя трансформация профессиональной структуры , связанная с расширением доли экспертного знания и интеллектуальных услуг, зарождалась именно в это время. Это происходило не столько за счет расширения традиционных для «профессий» в западном смысле слова отраслей социальной сферы– таких, как медицина,

⁷ Ссылка на «нормализацию» Фуко здесь неслучайна. И он, и использующая его методологию В.Фурнье рассматривают организацию буржуазного общества как дисциплинарный механизм. Здесь нет места обсуждать детали концепции Фуко, важно обратить лишь внимание на то, что имеет прямое отношение к проблемам профессий. Если Фурнье при этом обращала внимание на современную тенденцию использования системы самоконтроля профессионалов как способа дистанционного контроля над ними со стороны бизнеса, то у самого Фуко связь между дисциплинарным механизмом и профессиями более общая. Исторически выделение экспертизы в разряд специализированного вида деятельности он рассматривает как одну из первых этапов новой буржуазной системы власти над людьми – приведение к системе норм, «нормализация». (см. также соотв. примечание в переводе статьи Д.Эветтс)

социальная работа, образование, наука, искусство, но и внутри самой промышленности – в виде создания инженерных, опытных, конструкторских, химических лабораторий и подразделений, занятых исследовательскими разработками и прогнозами. Развитие сегодняшней «информационной экономики» и «экономики знаний» берет начало из этого времени. Собственно, культ инженеров отмечался еще в 1920-е-1930-е гг. на волне индустриализации (не только российской), но тогда отдельные инженеры индивидуальным знанием и талантом создавали импульс массовому производству. В 1960-1970-е гг. появление заметных групп работников, наделенных экспертным знанием внутри индустриальной системы, наряду с общим ростом квалификации персонала, ознаменовали приход нового «типа» массового работника, работника-специалиста в иерархические промышленные организации.

Это вызвало ответный интерес бизнеса к управлению человеческими ресурсами как системному направлению менеджмента на Западе. Новый тип работника предъявлял новые требования к управлению, – стандартизация и жесткость трудовых операций и взаимодействий как дисциплинирующая и упорядочивающая структура оказалась поставлена под сомнение. В 1970-1980-е гг. в западных школах бизнеса появились и получили распространение новые дисциплины, связанные с социальным компонентом менеджмента – по индустриальной психологии, организационному поведению, управлению персоналом. Управление человеческими ресурсами стало рассматриваться в категориях стратегического управления несколько позже – в 1990-е годы, с массовым распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) - когда труд, «основанный на знаниях» (knowledge-based occupation), стал широко распространенным явлением.

Д по указанному вектору – появление экспертного знания внутри организаций, революционизирующее управление организациями и ведущее к совершенствованию управления человеческими ресурсами и расширению автономии профессионалов, в России столкнулось с пока не преодоленными барьерами. Кроме упомянутых барьеров советской идеологической конструкции, развитию российского (а прежде советского) дискурса профессионализма мешали специфические традиции управления предприятиями, и в частности – управления персоналом. Прерогативой менеджмента советских предприятий было управление производством. Это уже отмечалось исследователями (Кларк, 2004; Кабалина 1998). Кроме этого, управление человеческими ресурсами в своих основных функциях было перераспределено между разными уровнями управления внутри и за пределами предприятия – наем, выбытие, обучение, формирование кадрового резерва, даже оценка регулировались не одной, а сразу несколькими центрами принятия решений (линейным менеджментом, директором, партийными структурами, министерствами и ведомствами, профсоюзами и пр.). В результате фокус управления людьми внутри предприятия был вынужденно смещен в технико-производственную область. Примеры включения социологических служб в систему кадрового управления на ряде ведущих предприятий в позднесоветский период, так же как исследования советской индустриальной социологии, не меняют массовой модели. Привычка рассматривать работников в качестве производственно-технических единиц не только обедняла видение перспектив кадрового менеджмента, но и способность организации дифференцированно подходить к профессиональному развитию работников и аккумуляции интеллектуальных ресурсов предприятия.

Внимание на развитии «человеческого фактора» в управлении предприятиями, а также проблемах мотивации в исследованиях экономики труда в позднесоветский период – признаки косвенного осознания этого недостатка управления человеческими ресурсами советских организаций. Понятно, что социология профессий, так же как и управление человеческими ресурсами должны были казаться советской экономической и социальной науке слишком буржуазными для того, чтобы взять их на вооружение в условиях реформирования советских предприятий. Неслучайно в период перестройки рецептом

повышения эффективности труда стало «развитие чувства хозяина» и «хозяйственный расчет», а не повышение статуса экспертного знания и инновации. Идеологически это было более логично: уж если принимать прививку капитализмом, то народный капитализм выглядел меньшей уступкой, чем капитализм меритократический. Но здесь возникает и естественное сомнение – в ходе рыночных реформ 1990-х проблемы уступки капитализму уже не существовало, наоборот – была установка – перенять все лучшее и стать «как они». Почему же ренессанс ценностей профессий и профессионализма, который в этот момент начался на Западе, и о котором пишет Эветтс как об «обращении к дискурсу профессионализма», не был взят на вооружение российской экономикой в период «капиталистических» реформ?

Самое общее объяснение состоит в том, что здесь уже отмечалось – профессии и профессионализм как их свойство, противостоят рынку. По крайней мере, почти 2 века наблюдаемой истории им это удавалось. Но есть и еще две специфические проблемы, хотя обе они, рано или поздно, будут отходить на второй план. Первая связана с техническим прогрессом, точнее в российском случае - с регрессом, на фоне экспансии рынка как средства оценки продуктов и занятий, происходившей в 1990-е годы. Если в позднесоветской экономике основной проблемой была неэффективность технического перевооружения, то в 1990-е годы – модернизация многих ключевых отраслей экономики была не просто заморожена, но двинулась вспять. Это значит, что экономика долгое время не предъявляла спрос на экспертные знания даже в том объеме, который существовал до реформ. Появление термина «деиндустриализация» емко характеризовало речь шла не о реструктуризации «вперед, к сфере услуг», а «назад», к более низкому уровню индустриального развития. На уровне занятости произошла тотальная переоценка занятий, знаний и умений, в которой умственный труд пострадал более существенно, чем физический. В силу известных «провалов» рынка в условиях разрушения других институтов регулирования, включая государство, разом оказались «ненужными» целые отрасли бюджетной сферы – в том числе «классические профессии» - врачей, научных работников, деятелей искусства, а те, которые остались востребованы рынком (экономисты, юристы), должны были спешно переучиваться ввиду радикальных изменений институциональной среды, в которой они должны были быть экспертами. Едва ли не самые серьезные человеческие потери понесла наука. За период 1991-1998 гг. численность занятых в этой сфере сократилась на 53% (на втором и третьем месте соответственно – строительство, 40% и промышленность, 37%). (Tchetvernina, Moskovskaya, Soboleva, Stepanchikova . 2001, P.7)

Только с оживлением экономики в начале 2000-х годов вопрос о восстановлении профессиональных кадров и системы их подготовки был поставлен на повестку дня российским бизнесом. Но это еще не было обращение к «дискурсу профессионализма» в том смысле о котором пишет Эветтс. Экономический кризис может замедлить процесс повышения значимости квалификации и экспертных знаний в экономике, но не повернуть его вспять, поскольку перспективы выхода из кризиса напрямую связаны с ресурсами повышения эффективности организаций и отраслей, а они сегодня зависят от знаний и интеллектуального капитала. Поэтому можно рассчитывать на изменение ситуации в будущем. Как только прибыль российских компаний станет зависеть от деятельности собственных прогнозных, проектных и опытных лабораторий, вопрос о ценности «знания дела» возникнет сам собой, консультанты по управлению человеческими ресурсами и стратегическому развитию смогут лишь немного корректировать этот процесс, но пока спрос на эти услуги со стороны российского бизнеса весьма скромнен.

Мы знаем, в т.ч. от Джулии Эветтс, что понимание профессионализма исследователями переживало разные времена, и далеко не всегда его нагруженность такими характеристиками как миссия, приверженность делу и общественному благу, принадлежность к особому слою посвященных – принималась как позитив. Возникает

вопрос: зачем нужна подобная смысловая «нагрузка», которую несут в себе профессии и профессионализм на Западе, в век маркетинга, рационализма и самоиронии?

Кроме уже упоминавшейся проблемы повышения эффективности управления человеческими ресурсами как носителями экспертного знания в организациях, существует необходимость решения проблемы «провалов рынка» в регулировании общественного сектора со стороны государства, поскольку это отрасли повышенного интереса и чувствительности населения. Это прежде всего – здравоохранение, образование, а также искусство и культура (возможны и другие направления – например, отрасли инфраструктуры, такие как коммунальное хозяйство и пр.). Но как раз в этих отраслях традиционно наиболее высока доля занятий интеллектуального и экспертного труда, который является основой «профессий».

Помимо традиций особого социального положения носителей отдельных видов труда (например, юристы, медики), которые есть в западных странах и почти нет в России⁸, существует рациональное основание создания особой ауры и социальной мифологии вокруг профессий общественного сектора, где работники заняты в услугах, отвечающих общественным нуждам. Особый социальный статус нужен для мобилизации кадров в эти сферы в условиях, когда распространение бизнеса подрывает экономические преимущества этих профессий, что особенно заметно в России на примере здравоохранения, образования и культуры, и поэтому должно быть рано или поздно востребовано. Признание обществом (и государством?) особой общественной роли этих профессий способно компенсировать недостаток дохода (разумеется, в том случае, если доход достаточен для обеспечения необходимых стандартов жизни соответствующего социального слоя). Причем, дискурс профессионализма, который может возникнуть и изнутри отраслей общественного сектора (его работников), нуждается в поддержке не только для мобилизации трудовых ресурсов, но и для удержания, включая поддержание высокого качества услуг. Такую поддержку, ориентируясь на опыт континентальной Европы, могло бы в России оказать государство.

Однако особенное общественное значение и признание – это именно то, чего постепенно лишаются профессии в современном западном мире, и о чем ностальгируют их исследователи. С одной стороны, утрата «прежнего блеска» способствовала маркетингу профессиональных услуг и интервенция бизнеса в общественный сектор. С другой – монополизация значимых сфер общественных услуг привела к злоупотреблениям, снизившим доверие демократически настроенной общественности западных государств. С третьей – те же процессы расширения сервисных и экспертных услуг и ответное внимание бизнеса к профессионализму десакрализируют соответствующие профессии, делая их более будничными и подобными другим, что в свою очередь, снижает статус и признание со стороны населения. Именно на это указывает Эвэтс как на парадоксы профессионализма. Это уже произошло в России, тогда каковы уроки на будущее?

Говоря о важности общественного доверия первое, что сегодня приходит в голову и что не могло быть упомянуто в статье Эвэтс 2006 года, это – экономический кризис. Он поднимает вопрос о доверии на особую высоту, как в России, так и на Западе. Есть все основания утверждать, что многое в процессе проникновения рынка во все сферы жизни и приведшее к эрозии профессионализма на Западе, будет в результате кризиса пересмотрено. Собственно уже пересматривается. Во-первых, западное общественное мнение все чаще признает, что интервенция рынка в общественную жизнь в виде непомерных расходов, демонстративного потребления и жизни в долг была избыточной. Во-вторых, на уровне государств появляются признаки понимания важности коммунитарности, взаимопомощи и социальной сплоченности. Последняя – термин не из

⁸Следует признать, что в СССР в отдельные периоды истории такая роль была например, у инженеров в 1930-е годы, у естествоиспытателей и «физиков» - в 1960-е, у представителей культуры в позднесоветский период и у науки большую часть советского периода.

советского прошлого, а инициативы ЕС, предполагающей проводить регулярные конференции министров по вопросам социальной сплоченности (министров, отвечающих за социальный блок в своих правительствах) европейских государств для обсуждения путей решения общих социальных проблем. Какое отношение эти вопросы имеют к профессионализму?

В том и состоит обаяние профессионализма, что особое положение профессиональных групп дает возможность более активно, чем другие влиять на общественно значимые решения и экономическую жизнь, причем, не в форме политических объединений, а через повседневную работу и ее совершенствование. В условиях мирового кризиса предположения о возможном закате традиционных профессий в западном мире могут оказаться преувеличенными, а сам закат отменен. Многое будет зависеть от самих носителей профессий как активной гражданской силы. Ведь одним из главных институтов профессионального контроля являются горизонтальные связи, в т.ч. деятельность формальных и неформальных профессиональных ассоциаций.

Именно на особом гражданском назначении профессий настаивает Д. Сциулли. (Сциулли, 2007) Известно, что на Западе гражданские организации, занятые различными социальными функциями, получили широкое развитие. Гражданским профессиональным организациям отводится сегодня особая роль – в силу особенностей своей позиции (социальная миссия, доверие, приверженность профессии, жесткий отбор, саморегулирование, профессиональная автономия) они могут говорить от имени общества и в интересах общества по общественно значимым вопросам. В отличие от профсоюзов они говорят от имени не своих членов, а своего «дела», что подразумевает интересы получателей их услуг – населения и общества. Но может возникнуть возражение :в России не развито гражданское движение и слаба сеть некоммерческих организаций в социальной сфере, и вообще самоорганизация малых групп у нас осложнена, как в общественном секторе, так и в бизнесе. На это можно ответить следующее. Если в России есть потенциал гражданской активности, то он связан сегодня с наиболее квалифицированными и профессиональными группами –преподавателей вузов, представителей организаций науки и культуры, учителей(кстати именно из таких людей состоят немногие успешные НКО), потому что в отличие от многих других групп населения у них кроме образования и знаний, тесно связанных с общественными нуждами, есть постоянная профессиональная потребность в горизонтальных связях и профессиональном признании коллег и сравнительно ослаблена по этой причине зависимость от иерархии. При этом поддержка профессиональной сети служит более серьезным и устойчивым потенциалом и социальным капиталом, нежели ограниченные локальные связи гражданских организаций, созданных «снизу» как «grass roots».

Перспективы освоения Россией накопленного в развитых индустриальных странах опыта и потенциала инновационного развития, а также способность выйти из кризиса с обновленной экономикой зависит от того, сформируются ли здесь устойчивые социальные слои, продвигающие интересы дела в общих интересах. Было ошибочно ранее и тем более ошибочно в условиях кризиса – считать, что такой единоличной силой может служить бизнес и его «социально ответственное поведение». Социальная ответственность предполагает ответственность перед кем-то. Но в отсутствие сильных общественных структур, предъявляющих спрос, знающих, о чем спрашивать, и знающих, как ответить, эволюции бизнеса в направлении социальной ответственности не происходит, что мы и наблюдаем в России. Профессионализм – богатая тема – не только прошлым опытом и исследованиями, но и широкими перспективами. Уверенность этому придает то, что этот феномен и концепция сводит воедино процессы, относящиеся к разным сферам жизни - экономики, управления, специфики отдельных жизненно важных отраслей и социальной структуры, общественных интересов и гражданской ответственности.

Литература

1. Бляхман Л., Шкаратан О. (1973) *НТР, рабочий класс, интеллигенция*. М., Политиздат.
2. Кабалина В.(1998) Изменение функций и статуса линейных руководителей - *Социологические исследования*, №5
3. Кларк С. (2004) Чисто советская форма капитализма? – *Журнал социологии и социальной антропологии*, №3.
4. Подмарков В., Сиземская И. (1969) *О профессиональной структуре советского общества*. М., Знание
5. *Социально-психологический портрет инженера*. (1977) Под ред. В.Ядова. М., Мысль
6. *Социология в России*. (1998) Отв. ред. В.Ядов. 2-е изд. Перераб. и дополн. М., Изд-во Института социологии РАН
7. Evetts, J. '(2006) Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes'. *Current Sociology* 2006; 54; 515
8. Fournier, V. (1999) 'The Appeal to "Professionalism" as a Disciplinary Mechanism', *Social Review* 47(2): 280–307.
9. Freidson, E. (2001) *Professionalism: The Third Logic*. London: Polity Press.
10. Noordegraaf, M. From "Pure" to "Hybrid" Professionalism: Present-Day Professionalism in Ambiguous Public Domains. - *Administration & Society*, Oct 2007; vol. 39: pp. 761 – 785.
11. Sciulli, D. (2007). Professions before Professionalism – *European Journal of Sociology*, Vol.48, No 1. PP. 121-147.
12. Sciulli, D. (2008) Structural and Institutional Invariance in Professions and Professionalism. Report to *ISA Interim Conference "Challenges to professionalism: Limits and benefits of the professional model"*. Oslo, September 12 - 13, 2008.
13. Pfadenhauer, M. (2006) Crisis or Decline?: Problems of Legitimation and Loss of Trust in Modern Professionalism *Current Sociology* 2006 54: 565-578.
14. Т.Тчетвернина, А.Московская, I.Soboleva, N.Stepanchikova. Labor market flexibility and employment security. Russian federation. ILO, 2001/ 31.

Сведения об авторе:

Московская Александра Александровна, к.э.н.

Директор Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ,
зав.Отделом прикладных исследований труда и профессий ЦСП
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
amoskovskaya@hse.ru